

ЖИТИЕ СВ. ЛАВРЕНТИЯ ДЖУСТИНИАНИ, ПАТРИАРХА ВЕНЕЦИИ

Бернардо Джустиниани

*Пер. с лат. Laurentius Iustinianus, Patriarcha Venetus (B.), Vita auctore Bernardo Iustiniano
// AASS Januarii T. I, pp. 551-563*

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ К КАРТЕЗИАНЦАМ

[1] Хотя я не сомневаюсь, почтенные отцы, что патриарх Лаврентий как при жизни, так и по уходу из неё неизменно вами почитаем с глубочайшей любовью, однако подумалось мне, что его прибытие больше доставит вам радости, если вы узнаете, по какой причине к вам едет сей вселюбезный и многожеланный гость. Ибо, поскольку я любил его с ранних лет даже больше, чем родителя, и, оплакивая его уход, искал хоть какого-нибудь утешения, то захотелось мне (что свойственно любящим) получить его изображение, впрочем, не руки Лисиппа или Апеллеса (соответственно скульптор и живописец IV в. до Р.Х., чьи произведения славились детализацией и натурализмом. – прим. пер.), а, скорее, такое, что показывало бы нрав его, деяния и слова, каковые невозможно верно и точно передать иначе как живописью, так сказать, словесной.

Поэтому я желал только одного и к одному стремился: чтобы кто-нибудь высокоодарённый изобразил на письме его необычайные и небесные добродетели, не уступающие заслугам любого из архиереев древности. Я часто обдумывал это наедине с собой и обсуждал с теми досточтимыми отцами, что гостят у нас, а прежде всего, с мужем ангельского духа Франциском Тревизано, настоятелем вашей киновии. Между нами даже произошло полное любви препирательство, когда я умолял его, а он, напротив, меня написать что-нибудь о житии нашего архиерея. Я говорил, что он уважаем, учён; что он много лет общался с Лаврентием; что много видел, много узнал; что его связывала с ним особая любовь и уважение. Я говорил, что прежде всего опасуюсь, как бы не пошло во вред делу моё кровное родство с Лаврентием, ведь если я напишу о нём, свидетельства племянника о дяде могут быть восприняты с подозрением (как это обычно бывает в суде).

[2] А он ещё более рьяно выдвигал те же доводы – и о способностях, и о знакомстве, и о любви, – но против меня; а также (как человек более учёный и опытный) советовал присмотреться к св. Амвросию, составившему похвальное слово о своём брате Сатире в двух книгах, взглянуть на св. Бернарда, который отвел видное место для похвал своему брату Герарду среди прославленных проповедей на «Песнь песней». Он упомянул не только латинян, но и греков. Ибо и св. Златоуст прославлял житие родителей, и Василий – сестры, равно как и святой наш Аврелий – матери своей св. Моники. «Если же, – добавил он, – ты каждый день видишь, как к его могиле стекаются незнакомцы и чужеземцы, принося статуэтки, и цветы, и свечи во свидетельство почитания его, то что же в конце концов делать тебе, племяннику по плоти, сыну по любви, который обязан ему столь великими благодеяниями? Я ведь слышал, когда ты рассказывал, что он часто помогал тебе в великих трудах явно чудесным образом, как и обещал тебе сам, уходя из жизни. Так не стоит ли тебе посвятить его восхвалению и прославлению (если только ты не хочешь оказаться и прослыть неблагодарным) все свои способности и дарования или, в конце концов, силы и старания?» И вот, пока он благоразумно и дружелюбно говорил это, мне отчётливо вспомнилось, что то же самое имело обыкновение почти во все века. Опустим уж таких древних язычников, как Катон, Цезарь, Фукидид и Ксенофонт, которые, кто по-гречески, кто по-латински, описывали свою историю, причём не стеснялись писать не то что о друзьях или родственниках, но и о самих себе. Скажем о наших. Ведь общеизвестно, что сии святые мужи, писавшие жития: Афанасий –

Антония, Север – Мартина, Бернад – Малахии, Григорий – Василия, а Златоуст – Григория - все были либо учениками их, либо ближайшими друзьями.

[3] Впрочем, я мог бы тотчас же возразить отцу Франциску, опираясь на ещё более авторитетные примеры, но мешало мне как раз то, что он напомнил о благодеяниях [покойного]. Ибо несравненный наш отец скончался как раз во время страшного шторма, когда неистовые волны и порывы бури со всех сторон грозили мне и близким моим, так что мы бы всенепременно утонули (Ты знаешь, Боже благий!), если бы преблагостный отец, к коему я непрестанно взывал, не вымолил нам Твою помощь в столь страшных бедах и опасностях.

Итак, поскольку налицо некий долг благодарности племянника перед дядей, которым было бы, конечно, грешно пренебречь, душа моя принудила меня писать. Причём о том, что мы намерены поведать, можно по праву сказать вместе с Апостолом, что мы не только слышали сие от надёжнейших свидетелей, но и видели своими очами, и руки наши осязали (ср. 1 Ин. 1:1); учитывая, особенно, то, что с начала его архиерейства и до последнего дня его жизни я, как говорится, не отступал от него ни на шаг.

Наипаче же мне приятно было посвятить сей труд вам, преславные подвижники Христовы! Ибо, поскольку у вас пребывает прах и кости родителя моего Леонарда – залог исключительного внимания и доверия к вам нашего семейства, – то, коль это зависит от меня, почему бы мне не позволить ему почивать среди прекрасных и вселюбезных братьев, которые были привязаны друг к другу невероятно сильным родственным чувством? Итак, отец Лаврентий грядет к вам, и житием святой, и учением богатый, и чудесами сияющий. Как к его славе хоть что-нибудь прибавить, не понимаю, однако вот сжатое описание и жития, и учения, и чудес, которые всё ещё живы в очах всех. [Надеюсь,] вы сможете получить и удовольствие при чтении сей [книжки], и пользу от подражания [её герою].

ГЛАВА I. О ТОМ, ИЗ КАКОГО ОН ПРОИСХОДИЛ СЕМЕЙСТВА И КТО БЫЛИ ЕГО РОДИТЕЛИ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ОН ВСТУПИЛ НА ПУТЬ МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА

[4] Итак, родился Лаврентий в Венеции от отца Бернардо Джустиниани и матери Кверины [Кверини]. О благородстве обеих семейств не следует ни говорить слишком много, ни вовсе умалчивать, что было бы по отношению к ним несправедливо. Ибо как хвалиться сими дарами судьбы крайне легкомысленно, так и откровенно пренебрегать ими (как поступал Лаврентий) в высшей степени тяжело. Так вот, общеизвестно и в древних летописях венецианцев записано, что род Джустиниани происходит от потомков Юстиниана: трое братьев, изгнанные бунтом из Константинополя, прибыли в Италию и поселились в Венеции. Доблесть этого семейства прославилась во многих войнах, но наипаче в той, которую вел венецианский дож Витале Микьель (1155 – 1172 гг.) против константинопольского императора Мануила (Комнина, 1143 – 1180 гг.), что была успешнее в начале, чем в конце. Дож Венеции за сто дней построил прекрасный флот из ста галер и двадцати кораблей и вывел его в открытое море. Флот этот, взяв всё побережье Адриатики (Illyrici maris), затем порты Эпира и Ахайи, а затем почти все острова Эгейского моря и, наконец, захватив и разграбив Хиос, завернул на остров, который теперь называется Св. Панагией (о. Пасас близ о. Инусе. – прим. пер.), чтобы набрать воды, после чего он был опустошён совершенно невероятным мором: то ли чуму «наслал вредоносный воздух побережья» (Вергилий, Энеида, III, 138. – пер. С. А. Ошерова), то ли, что более вероятно, вода была отравлена врагами. Все Джустиниани, что по возрасту могли носить оружие, пошли в поход с этим флотом как бы отвоёвывать «домашние очаги» (ср. Саллюстий, Речь консула Лепида, 12. – пер. В. О. Горенштейна), но столь отважное предприятие ждал печальный исход. Ибо по воле Божией они все до единого погибли либо от меча, либо от болезни. Случилось так, что дома, не считая нескольких стариков, уже совершенно бессильных, способным к чадородию оставался только один юноша, по имени Николай – один из монахов обители св. Николая.

[5] Дож Витале, отведя свой истерзанный, лишившийся как воинов, так и гребцов флот, вернулся на родину, и, поскольку помимо других общественных провинностей он стал причиной гибели одной семьи, всему городу весьма милой, он впал в народную немилость. Ища любого способа к примирению, он решил не только возродить сей род к жизни, но и соединиться с ним кровными узами. Выпросив у Верховного понтифика Александра III разрешение для молодого монаха сложить иноческий сан, дабы восставить потомство своего рода, он дал ему в жёны свою единственную дочь по имени Анна.

Брак оказался плодотворным. Господь даровал супругам шесть чад мужского пола, и трёх – женского. Порадовавшись многодетности и возблагодарив Бога, Николай, отнюдь не забывший о прежнем иноческом обете, вернулся в монастырь, построив предварительно на Аммиане (ныне не существующий остров в Венецианской лагуне. – прим. пер.) женский монастырь в честь св. Адриана, в котором начала иноческую жизнь и сама его жена Анна. Оба они прославились многими чудесами, и их образы находятся в храме св. Николая до наших дней, служа свидетельством их святости. А чтобы это не вызвало вдруг у кого-нибудь недоумения, [стоит вспомнить, что] в то

же время тот же понтифик Александр позволил выдать дочь короля Вильгельма Сицилийского (на самом деле Рожера II (1095-1154 гг.). – прим. пер.) Констанцию, монахиню, причём старше сорока лет, за императора Генриха, сына Фридриха Барбароссы, чтобы восставить потомство её отцу Вильгельму, который был безмерно дорог сицилийцам.

[6] От этой святой ветви и происходит Лаврентий. Бернардо, отец его, был похищен [смертью] в молодом возрасте среди больших почестей. Кверина, мать, тоже из весьма знатного рода, родив пятерых детей и на двадцать четвёртом году жизни лишившись мужа, провела остаток жизни незамужней, пребывая в молениях и молитвах день и ночь (ср. 1 Тим. 5:5) по слову апостольскому, занимаясь своим домом и воспитывая детей своих в страхе Божиим и заповедях; а дабы не умереть заживо в сластолюбии (ср. 1 Тим. 5:6), она носила власяницу и вериги на поясе до конца жизни, постами и бдениями смиряя свою цветущую молодость. Наипаче же она была благодетельна и милосердна к нищим, а сыновей словом и примером приучала творить милостыню.

Обрамлением столь прекрасной драгоценности, как Лаврентий, служила пара достопамятных братьев – Марко (в 1428 г. получил должность подесты г. Бергамо. – прим. пер.) и Леонардо (выдающийся венецианский политик, гуманист и литератор, создатель собственного жанра канцонетт «джустинианы», переводчик Плутарха; только внезапная смерть в 1446 г. помешала ему получить должность дожа. – прим. пер.), упомянув которых по необходимости, я долго колебался, не написать ли здесь что-нибудь об их жизни и нравах, но поскольку это явно потребовало бы большого труда, я предпочёл сосредоточиться лишь на Лаврентии. Об одном только с милостивого позволения читателей не умолчу: едва ли в какой век (насколько, по крайней мере, можно судить по записям летописцев) рождались сразу трое таких братьев, в столь дивной мере наделённых мужеством, святостью и знанием всяческих благих искусств. И знаю я, что не обманываюсь любовью, и что сам отнюдь не обманываю.

[7] Лаврентий родился в конце той великой и жуткой Генуэзской войны (1378—1381 гг.), причём родился в тот день, когда по причине замечательной победы при Кюджо по всему городу звучали благодарственные молебствия и всякого рода изъявления ликования. Мать его Кверина говаривала, что, рожая его в том [общем] ликовании, исполняясь в душе некой радости, прежде всего возблагодарила Бога за то, что сие чадо, которое она носила среди стольких тягостей и опасностей, появляется на свет в час столь великого ликования города; а затем вознесла Богу смиренное моление о том, чтобы ребёнок её когда-нибудь стал ужасом для врагов и спасением для сограждан; что случится, как мы, собственно, видели, во время Миланской войны, о чём мы расскажем в своё время.

Однако сразу же в с ранних лет он стал проявлять необыкновенную утончённость манер. Не было никого прелестнее и милее его; он охотно общался со старшими, был благожелателен к равным, а младших пестовал. При этом ум его обнаруживал признаки глубины и всегда был сосредоточен на самых возвышенных предметах. Игры его, в отличие от обычных юнцов, не услаждали, но Божественная премудрость влекла его к великому, так что однажды мать его Кверина, опасаясь, как бы этот душевный пыл не души не устремился в недолжную сторону и не предался

стяжанию мирских почестей сверх меры, молвила: «Почему бы тебе, сынок, не отринуть сего безумия? Твоя гордыня попахивает преисподней!» На что Лаврентий, улыбаясь, как бы в шутку ответствовал: «Не бойся, матушка; ещё увидишь – стану великим рабом Божиим!» Это его ребячливое пророчество о самом себе Господь исполнил довольно скоро.

[8] Когда ему исполнилось двадцать лет (а ведь именно в этом возрасте искушения плоти обычно вносят смущения в человеческую жизнь), Господь Иисус, решив протянуть ему руку помощи, явился ему, о чём сам Лаврентий упоминает в своей книжке «Любовный букетик». Приведём его слова:

«Я, подобно вам, с пылким томлением искал умиротворения во внешних вещах и не находил его. Наконец явилась некая Дева, сияющая яснее солнца, имени Которой я не знал. Подойдя ближе, она с ласковым выражением безмятежным голосом молвила: «О милый юноша, для чего надрываешь ты сердце своё, в поисках умиротворения блуждая по самым разным путям? То, что ты ищешь, находится у Меня; то, чего ты алчешь, Я тебе обещаю, если только ты изволишь взять Меня в жёны». Когда же я стал с жаром выпрашивать, каково Её имя, происхождение и достоинство, Она молвила: «Я Премудрость Божия, принявшая человеческий облик ради исправления людей». Я согласился, и Она, дав мне целование мира, в радости удалилась».

[9] И вот, поражённый этим видением, он поведал обо всём двоюродному брату Кверины, матери своей, Марину, благочестивейшему подвижнику и учёному. Хотя он провидел в юноше нечто великое и понимал его рвение к полноте высочайшего подвига, однако предпочёл основательно изучить его душу и испытать телесную стойкость.

Лаврентий никак не переменял своего платья, дабы убогое одеяние не выдавало его духовного подвига, но от горячо любящей матери утаиться не сумел. Когда она в дополнение к прочим своим подозрениям обнаружила, что сын разложил на кровати какие-то жёсткие доски и спит на них, то, опасаясь (мягко материнское сердце!), что сын недостаточно осознаёт трудности иночества, задумала испытать твёрдость его намерений и начала приготовления к его женитьбе.

И хотя она выбрала для сына девицу выдающейся красоты, родовитости и изрядного состояния (я лично знал её уже старушкой), он, заметив, что происходит, и смекнув, что братья вступили в сговор с его матерью, убежал от них и отправился к дяде своему Марину в иноческую общину, именовавшуюся Коллегией каноников на Сан-Джорджо-ин-Альга (остров в Венецианской лагуне, где находилось несколько монастырей. – прим. пер.).

И молвил он душе своей пред вступлением в жизнь монашескую, представляя [ей два пути]: «С одной стороны все блага богатства, знатность, должности, почести, жена, дети, деньги, а сверх того всякого рода удовольствия; с другой: посты, бдения, зной, хлад, рабство». И [велел он] затем ей воссесть, наподобие судии, и выбрать между этими [двумя путями], и к самому себе обратился с таким требованием: «Теперь подумай ещё и ещё раз, Лаврентий: что ты делаешь? Уверен, что сможешь одно претерпеть и презреть другое?» Тогда он обратился ко кресту Господню: «Ты,

Господи, надежда моя! Здесь Ты устроил всенадёжнейшее убежище!» (ср. Вульг. Пс. 90:9)

И так, укрепившись духом, оставив мать и братьев, отвергнув богатства, почести и соблазны цветущей юности, он вступил в небесное воинство.

ГЛАВА II. О ТОМ, КАК ОН СНОСИЛ ЖАЖДУ, ГОЛОД, БДЕНИЯ И ВСЯКУЮ МУКУ ТЕЛЕСНУЮ, ОБНАРУЖИВАЯ СПОСОБНОСТЬ ТЕРПЕТЬ ТЯГОТЫ ЛЮБОГО ВРЕМЕНИ ГОДА.

[10] Итак, прежде всего он воздвиг брань с телесными соблазнами, ибо рассудил, что путь будет куда короче, если им ни в чём не давать поблажки, вести войну с ними, как со смертельным врагом. Незачем даже рассказывать о том, как скудна была его пища, ибо ел он не досыта, а едва столько, сколько было крайне необходимо; о его терпимости к жажде, которая его, казалось, никогда не томила, так что его не удавалось склонить попить ни во время поста, ни при ручном труде, ни в пути, ни в болезни; а когда братия предлагали, он говорил: «Как же мы тогда перенесём зной Чистилища, если мы не можем вынести этой слабенькой жажды?»

Бдения, установленные отцами, он соблюдал так, что, приходя к полунощнице первым, уходил последним, но мало того, хотя у многих монахов есть обычай возвращаться после полунощницы спать до восхода солнца, Лаврентий никогда за всю свою жизнь не покидал церкви до прихода братии на Первый час.

Студёной зимой ни разу не видели, чтобы он приближался к огню, что удивляло тем паче, как телом он был слаб. Довелось же некоему отцу позвать Лаврентия к огню, а когда тот отказался, отец взял его за руку и, ощутив, что она окоченела от холода, в изумлении молвил: «О сын мой, велик жар, коим ты пылаешь внутри, если не чувствуешь холода, от которого ты окоченел!»

Да он даже в сад ни разу не вышел развеяться, хотя это единственное утешение, которое обычно себе позволяют монахи.

[11] Во время пения часов он стоял, опершись о подножие, ни правой, ни левой рукой не держась за сиденья; это же положение он всегда сохранял при псалмопении. Тем, кто никогда не пробовал, это может показаться не особенно удивительным, но вы-то, славные подвижники Христовы, ежедневно подвергающиеся подобным испытаниям, наверняка поймёте, насколько труднее это сказать, чем сделать. В этом подвиге он был постоянен и упорствовал до глубокой старости, и даже болезни едва могли послужить для него причиной дать телу роздых. Ибо однажды, когда ему было уже почти семьдесят лет, врач стал убеждать его поесть мяса во время Великого поста, а чтобы легче было его уговорить, привёл пример какого-то из недавних святых, который из-за не слишком тяжёлого недуга вкушал фазанятину в Вербное воскресенье, а Лаврентий прежде всего спросил, может ли он воздерживаться от мяса без угрозы для своей жизни, и поскольку врач не стал этого отрицать, патриарх молвил: «Каждый да будет твёрд в собственном убеждении (ср. Рим. 14:5, пер. еп. Кассиана), однако, правду сказать, мне больше по душе примеры древних святых. Ибо я вижу, что исповедники подвизались войти в небесное отечество через умерщвление плоти, а мученики – чрез пролитие крови».

[12] Итак, возвращаясь к прежним годам, вспоминаю, что когда на склоне лет он стал слабее, отцы постановлением капитула обязали его умерить воздержание в еде, сне и одежде. Восприняв это с недовольством, как будто его подталкивали к распущенности, он сказал: «Можете приказывать, что заблагорассудится; я послушаюсь приказов, но хочу, чтобы вы знали: тот, кто решил пострадать за Христа, не будет иметь недостатка в источниках страдания». Я спросил отца, когда он рассказывал, что он хотел этим сказать. «Дисциплину», – признался он, сиречь порку и побои, коими он постоянно себя истязал; и действительно, [на его одежде] чрезвычайно часто можно было заметить пятна крови.

И он не только превозмогал сии обычные природные потребности, но и во всём проявлял замечательную выносливость к боли. В начале своего монашеского жития заболел он свищом, каковой недуг врачи обычно называют золотухой. Золотушные язвы покрыли ему всю шею. Врачи уже не надеялись спасти юношу. Они предлагали единственное лечение: натереть шею конской щетиной, чтобы гной вышел наружу, а затем сделать прижигания раскалёнными щипцами, но боялись, что он не сможет вынести боли. А Лаврентий, несколько не переменившись в лице, молвил: «Чего сомневаетесь, братья? Пускай врач режет и прижигает, как угодно; неужели не сможет Господь дать мне сил, коими наделил трёх отроков в пылающей печи? Итак, ему надрезали, и рассекли, и прижгли [язвы]. При этом достойно удивления, что, кроме однократного лишь вскрика «Иисусе!», от него затем не слышали ни малейшего стога. Более того, он проявлял такую же твердость духа и в последние годы жизни, уже будучи архиереем (что я сам бы счёл невероятным, если бы не видел своими глазами), ибо, когда у него изрядно опухло горло, а выздоровление шло медленно и нелегко, душа любящего отца тревожилась оттого, что, находясь дома взаперти в своей комнате, он не мог заниматься своею паствой, поэтому он совершенно спокойно подставился под нож, а поскольку врач боялся, сказал ему: «Режь смело, ибо клинку твоему не одолеть брони мучеников».

ГЛАВА III. О СМИРЕНИИ И КРОТОСТИ, О НЕВНИМАНИИ К ЗЛОСЛОВИЮ, О ЛЮБВИ К БЕДНОСТИ, О ДАРЕ МОЛИТВЫ И ПОСТОЯНСТВЕ

[13] Вот что можно сказать о его телесном подвиге, хотя это лишь малая часть из многого. Но давайте-ка перейдём к душе; тут, глядишь, будет больше почвы для рассуждений.

Начнем со смирения, которое Лаврентий называл царицей других добродетелей. Когда он был настоятелем монастыря, то, словно бы считая эту должность, скорее презренной, чем почётной, он предпочитал самые низкие послушания, о которых даже поминать непристойно. И не говорил он ни о чём, кроме как о грехах своих, ибо желал, чтобы его делами гнушались, презирали их и отвергали, а говорили всегда о смирении Господа Иисуса и Пресвятой Девы. Но, оставив в стороне эти его повседневные события, посмотрите, как отец сносил поношения.

Когда однажды в капитуле обсуждались монастырские дела, некий монах умом попроще обвинил Лаврентия невесть в чём. Лаврентий же, хотя и знал, что человек этот простоват, а потому можно легко очиститься от его обвинений, сначала помедлил, будто бы не расслышав, но в конце концов медленной поступью вышел на середину и, преклонив колени, молвил: «Простите меня, отцы; я согрешил против

неба и пред вами; вот, я исполню епитимию, которое вы дадите мне». Тронутый раскаянием Лаврентия, оный брат подбежал к нему и, прося прощения, поклонился ему в ноги.

А когда кто-то снова подобным образом ложно обвинил Лаврентия, он, прикусив язык, ничего не ответил, чтобы, с одной стороны, неискреннее признание не подало дурного примера, а с другой заpiresательство не породило злых раздоров; ибо он чрезвычайно благоразумно различал «время молчать, и время говорить» (Еккл. 3:7).

[14] А как великолепно он укротил спесь и гордыню мирскую! Я уж не говорю о том, что он оставил богатства и почести, ибо не так много добродетели в презрении почестей, сколько в готовности принять презрение. Ибо труднее оставаться спокойным, когда с тобою обходятся худо, чем не искать хорошего обхождения. Более того, высшее совершенство заключается в том, чтобы желать себе худого обхождения. Поэтому я не умолчу о том, что рассказал мне патриарх Маффио (Контарини, 1456–1460 гг.), бывший его учеником, а ставший преемником.

Ибо однажды, когда они, как обычно, вышли просить хлеба, забрели случайно в более людные места. Лаврентий, заметив, что его спутник смущён многолюдством и пытается избегать народа, молвил: «Маффио, что ты смущаешься? Давай двигаться мерным шагом! Ибо мы ничего не достигли, если оставили мир лишь на словах, а на деле этого не возвещаем. Пойдём с этими мешками, словно бы с крестами, и одержим ныне славную победу над миром!»

[15] Ну а что мне сказать о его любви к бедности? Случилось однажды, что занялся пламенем навес при монастыре, где монахи хранили все съестные припасы в ожидании урожая. Лаврентия в тот день не было. Но когда прибывшие к нему братья принесли печальные вести, Лаврентий с весёлым выражением лица [им молвил]: «Ну же, сыночки, что нам приключилось плохого? Разве мы не желаем бедности? Благословен Бог, Который заставил нас исполнить обеты! Дающий же семя тому, кто сеет, и хлеб в пищу подаст (ср. 2 Кор. 9:10, Ис. 55:10); только бы не оставить нам упования нашего, сыночки, которому, как молвит Апостол, предстоит великое воздаяние (ср. Евр. 10:35).»

[16] Итак, поскольку все соблазны плоти и мира для него потеряли значение, то единственным его удовольствием было не выходить из церкви и келлии. И в даре молитвы и созерцания никто не превзошел его. О, каким благоговением проникался дух при виде его у алтаря! как неподвижно было тело, как лик сосредоточен, какие [лились] слезы! Я слышал от одного брата, весьма близко знакомого с ним, что, когда он литургисал в ночь Рождества Господня, то после освящения Евхаристии он впал в исступление ума. Поскольку он замер слишком надолго, к нему подошёл диакон; раз, другой... А он всё неподвижен! Наконец, когда брат потянул его за казулу, он, словно бы пробудившись ото сна, молвил: «Да-да... я продолжаю, брате! Но что нам делать с этим прекрасным малышом? Как мы можем оставить его одного и голенького в такой холод?»

[17] А выдержка его было достойна восхищения. После того, как он последовал за Богом, он не входил в дом своей матери или брата. Помню, когда я был еще ребенком, то видел, как он стучал в дверь нашего дома, просил хлеба, но ни в дом не входил, ни на дверной порог, а ожидал хлеба, стоя снаружи. Мать же, с болью видя,

что сыну с такой тяжёлой ношей приходится бродить по городу, приказывала слугам наполнить его мешок хлебом. Лаврентий всегда отказывался и уходил, довольствуясь двумя хлебами, ибо не искал личной выгоды, а стремился усердно исполнять смиренный труд попрошайничества.

Когда матушка его готова была почитать, он счёл правильным проводить её и пробыл рядом с нею ночь, дабы исполнить заповедь о любви к родительнице. Достоинно памяти то, что он мог без слез смотреть на то, как умирает его мать, которую так горячо любил; и пока другие плакали, он с сухими глазами отдавал ей последний долг. Он всегда оставался ровен; никогда не видывали, чтобы он был взбудоражен радостью, или кипел от гнева, или расслабился, отдыхая душой. Короче говоря, в нём не было и следа страха, страсти, скорби, сластолюбия.

ГЛАВА IV. О ДАРЕ И СИЛЕ СЛОВА. КАКИМ ОБРАЗОМ ОН ПРИХОДИЛ НА ПОМОЩЬ БРАТИЯМ В ИСКУШЕНИЯХ. О ДУХЕ ПРОРОЧЕСТВА И ЕГО ПРИЗВАНИИ НА АРХИЕРЕЙСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

[18] При всём при том выдержка его была приправлена (что обычно редко случается) дивной человечностью и уважительным обхождением. Речь его была ласкова, коротка и исполнена смысла; и (как написано) слово, которое исходило из уст его, не возвращалось к нему тщетным (ср. Ис. 55:11).

Был у него в юности особенно близкий товарищ, известный как родовитостью, так и богатством. Вышло так, что пока он был в отъезде и вёл дела на Востоке, Лаврентий последовал за Господом Иисусом. Прослышав о том, будучи молод и не зная, каково душе, исполненной Божественным Духом, отправился в монастырь с певцами и лютнистами, а также с несколькими вооружёнными людьми, ничуть не сомневаясь, что уговорит своего товарища возвратиться, а если вдруг братия станет возражать, применит силу и оружие. Потребовал привести Лаврентия, а когда увидел, что он не столько одеяние сменил, сколько переменялся в лице, жестах и походке, остолбенел от изумления. Лаврентий же, благожелательно поприветствовав его, поначалу стал ласковыми речами подготавливать его душу, а затем мало-помалу повёл его от мирского к небесному. Короче говоря, он убедил юношу, и он, расставивший было силки на уловление друга, сам внезапно угодил в сеть. Отвечая Лаврентию, он молвил: «Брат, ты имеешь глаголы вечной жизни (Ин. 6:68), а поскольку надежда моя тщетна и я не могу выманить тебя из этой обители, то, наверно, ты сможешь выманить меня из мира сего к себе; суждено мне с тобою жить и с тобой умереть».

[19] У него не было задатков общественного проповедника, потому что он не был крепок ни дыханием, ни лёгкими, но не было ничего приятнее, чем слушать его беседы наедине с братией, чему в первую очередь вы, досточтимые отцы, лучшие свидетели, ведь вы часто его приглашали. Причём я слышал от вашей братии, что однажды, когда они расселись в тени букового дерева, а он собирался что-то сказать, небо у всех на глазах внезапно заволочло тучами и грянул невероятный гром с раскатами. Поскольку же братия и боялись дождя с градом, и не хотели лишиться долгожданной проповеди, Лаврентий улыбнулся и, подняв руку, молвил: «Спокойно, братия, это проделки сатаны, который был лжец от начала и не устоял в истине (ср. Ин. 8:44). Неужто он сможет связать слово Божие?» И вот едва он начал говорить,

небо тут же у всех на глазах прояснилось, и в распоряжении братии оказался целый погожий денёк во исполнение их благочестивого желания.

[20] Помимо того не меньше хлопот доставляла ему братия; ведь требовалось утешать скорбящих, ухаживать за больными, помогать усталым, исследовать помыслы и диавольские замыслы.

Одного брата мучил (как он мне рассказывал) дух возвращения в мир, и несмотря на то, что Лаврентий неоднократно его успокаивал, диавол не прекращал подстрекательств. Он больше не в мог сносить искушений, но, обратившись к Лаврентию, молвил: «Я вот-вот поддамся, отче, мне нужна твоя поддержка! Если вдруг ты не поможешь мне, я возвращусь в мир». На что Лаврентий ему: «Ты только, брат мой, ни в коем случае сегодня не уходи! Завтра поступишь, как заблагорассудится». Проведя в молитвах и слезах одну ночь, он так устрасил диавола, что тот никогда больше не смел нападать на монаха.

Но ещё более замечательно то, что дальше последовало (я даже призадумался бы, рассказывать ли об этом или нет, если бы не узнал о том от одного отца, заслуживающего доверия и уважения)! Когда некий брат, томимый подобным наущением, прибег к всенадёжной поддержке Лаврентия, Лаврентий взял варёную веточку лавра, что оставалась в кастрюле, и, обратившись к брату, молвил: «Возьми и посади её в саду, и если вновь пойдёт в рост, спокойно продолжай подвиг». Монах пошел, посадил, и лавр снова зазеленел; и, радуясь чуду, он вспомнил о жезле Аароном и пальме Макариевой.

[21] Кроме того, Господь в полной мере даровал ему дух пророчества; и это было настолько широко известно, что к нему обращались, прямо-таки как к оракулу. Я могу сказать о бесчисленном множестве случаев, и некоторые там и сям упомянем, когда будет необходимо. А пока выберем одно из ряда событий, ибо оно весьма примечательно тем, с какой приключилось личностью, сколь было оно многогранно и достоверно.

Я знаю, что вам известен Фантино Дандоло (1379 – 1459 гг., выдающийся юрист, дипломат и архиепископ. – прим. пер.)), чрезвычайно прославленный своей родовитостью, заслугами, житием и учёностью, который недавно был епископом Падуи. Так вот, пока он ещё оставался мирянином и занимал одно из виднейших мест в нашей Республике, в первый день Великого поста подошёл он, как обычно, принять пепел. Посыпав ему голову пеплом и уделив благословение, Лаврентий молвил ему: «Помни, брат, что в будущем году ты для других совершишь сей обряд посыпания пеплом». Будучи мирянином и в возрасте более пятидесяти лет, он, услышав это, встал в изумлении, однако не стал ни о чём расспрашивать Лаврентия, принимая во внимание торжественность момента, но дождался в клуатре, когда он пройдёт мимо. Приблизившись к Лаврентию, Фантино спросил, что он имел в виду под сказанным. Лаврентий немного постоял, как бы в задумчивости, а затем ответил: «Вот что скажу тебе, брат: нет, пепел ты посыпать не будешь, но зато непременно будешь раздавать народу оливковые ветви!» Хотя Фантино пришёл в ещё большее недоумение, не понимая, как такое может случиться, однако, полагая, что за этими словами скрывается что-то иное, удалился.

И тут вскоре после смерти Мартина понтификом избирают венецианца Евгения! К нему наш сенат направляет послом Фантино. Евгений принимает его с великой честью и возводит в священный сан (видимо, в один из младших чинов или в субдиаконы. – прим. пер.). Наконец перед началом года его посылают апостолическим легатом в Болонью, а когда он прибыл туда и в первый день Великого поста, когда пришла пора посыпать народ пеплом, исполнение сей обязанности предложили легату. Он отказался, заявив, что этого не вправе совершать никто, кроме священника. Горожане усердно настаивали, заверяя, что обычно эту обязанность всегда исполняли легаты. Фантино стоял на своём и в итоге с немалым трудом отговорился от свершения этого обряда, так ничего и не поведав о предсказании Лаврентия. Однако в Пальмовое воскресенье, когда вновь началось подобное препирательство, ибо каноники попросили его раздать народу оливковые ветви, а он по смирению своему снова стал отказываться, ссылаясь на то, что не является священником, каноники многими мольбами в конце концов уговорили его, коль уж он не повёл себя как легат в Пепельную среду, то чтобы хоть не отказывался от участия в обряде [раздачи ветвей] оливы. Короче говоря, сдавшись, Фантино собственноручно исполнил этот обряд, как и предсказывал Лаврентий.

[22] Когда же понтифик Евгений услышал об таковых добродетелях сего святого человека, задумал он дать венецианцам его в епископы. Ну а с каким настроением он это воспринял, если можете, рассудите сами. Дважды Лаврентий устремлялся в бегство и уходил в какие-то тайные места; дважды его возвращали, пока наконец-то не постановил он последовать мнению отцов своих. А были среди них такие, кто уговаривал его не противодействовать Верховному Понтифику, но уважить наместника Христова, однако некоторые убеждали его ни в коем случае не принимать [должности], напоминая о гордыне мирской, тяготах чрезвычайных и слабости его здоровья; были даже такие, что уговаривали его бежать – и каждый приводил примеры из житий святых, которые либо приняли [должность], либо отказались, либо, скрыв своё имя, бежали. Однако, объявив пост и торжественное молебствие, отцы попытались убедить Евгения, чтобы он не забирал у них отца и вожатая их, без которого община та была бы совершенно обречена. Дважды слали ему письма и отправляли гонцов, дважды отвечал им Евгений; и сохранилось два его послания, в которых он утешал отцов в самых ласковых выражениях, но при этом, приводя самые весомые доводы и ссылаясь на примеры святых отцов, увещевал их не противиться божественной воле. Итак, после троекратного повеления Понтифика Лаврентий не смог не подчиниться.

ГЛАВА V. О ТОМ, КАК ОН ПРИСТУПИЛ К АРХИЕРЕЙСКОМУ СЛУЖЕНИЮ; О ДОМЕ ЕГО, ПИТАНИИ И ОДЕЖДЕ; О ПРЕЗРЕНИИ К ДЕНЬГАМ

[23] В возрасте пятидесяти одного года он вступил в епископские палаты, причём без какого-либо торжественного приёма и без свиты (даже родных братьев он попросил не присутствовать при этом), так что едва вся округа узнала, что к ним едет новый предстоятель, оказалось, он уже на месте.

Ту ночь он провёл без сна, в слёзных молитвах прося Бога не оставлять его, ведь он лишь к чести Его неохотно и вынужденно взял на себя эти обязанности, понимая, какое множество дел ему предстоит, зная, как многочислен народ, сложно государственное устройство, обширна держава, сколь ожесточённые и частые у них

бывали разногласия с прежними епископами, и к тому же сознавая, как скудны и недостаточны его силы, кои он нигде не упражнял, кроме как в келейках монашеских. И когда проливал он слёзы об этом и многом другом, исполнил его душу такой свет (как он потом рассказал), что управлять епархией ему потом было не сложнее, чем каким-нибудь монастырём.

[24] Дома (familiam) он всё устроил следующим образом. Выбрал из своей общины двоих братьев, и с одним из них совершал богослужения, а с другим делил важнейшие заботы. Кроме того, в течение двадцати трёх лет его архиепископства у него было пять слуг; впрочем, как он, благодушно шутя, говаривал, семейство у него огромное и требует постоянной заботы (так он называл нищих Христовых).

Он носил одеяние цвета, что называется, небесного («палланду» – голубую рясу монахов Коллегии каноников на Сан-Джорджо-ин-Альга. – прим. пер.), пристойной длины. От ковров, завес и прочих комнатных украшений полностью отказался. За столом у него не допускалось грязи, но всё было предельно опрятно, и при трапезе по монашескому обычаю читали вслух. Серебряных приборов не было вообще; ел он из стеклянной и глиняной посуды, причём всегда самую простую пищу, предпочитая яйца, потому что они и для желудка полезны, и не будоражат аппетита. Ничего не просил и ни от чего не отказывался: что подавали, то и вкушал. Случилось однажды, что виночерпий, введённый в заблуждение цветом, подал вместо вина уксус. Когда Лаврентий поднёс его ко рту, то почуял, что это уксус, но, не попросив ничего взамен, продолжал трапезу без питья. Виночерпий, заметив свою ошибку, смиренно просил прощения, но Лаврентий с безмятежным ликом молвил ему: «Что уж там! Впредь будь повнимательнее при работе».

У него была кровать едва ли шести футов длиной с соломенным тюфяком и [лоскутным] покрывалом, которое древние именовали центоном, а в наше время называют склавиной. В спальню он никогда никого не допускал, дабы без помех предаваться слезам и молитве.

[25] И сразу же он занялся приведением в порядок архиепископской церкви, чтобы храм, пришедший в запустение как по небрежности, так и по алчности прежних епископов, соответствовал достоинству кафедры. Он восстановил сошедший было на нет чин каноников, добавил священников и набрал певчих. Таковую же заботу он проявил и к другим церквям, так что если во многих из них почти не служили месс, теперь служат торжественно, точно архиерейские.

Затем, вознамерившись исправить нравы духовенства, написал им превосходные установления. Впрочем, не было ничего такого, чего он не мог бы легко добиться благодаря радушию своему и врождённой доброте. В любом случае требования его были нетяжелы, ибо он позволил духовенству пользоваться своими доходами, отнюдь не желая взваливать на него никакого бремени. Равной заботой он окружил и монастыри, особенно женские, которым ради хрупкости слабого пола не позволял ни в чём терпеть недостатка: ни в телесных нуждах, ни в соблюдении устава. Разрушенное он восстановил и построил новое. Прекрасным свидетельством тому служит, что, приняв вначале под опеку около двадцати монастырей (obseruantia), он по смерти своей оставил свыше тридцати пяти.

С неменьшим усердием он заботился и об остальной пастве. Невероятно, сколько ежедневно происходило к нему скорбящих и труждающихся, кто жаждал утешения и получал помощь – деньгами (оре), молитвой и советом. Все стекались к нему, при этом он прилежно напоминал мирянам, что им когда-нибудь придётся дать отчёт о том, как они исполняли свои обязанности.

[26] Помимо того, он презирал деньги так, как, думаю, никто кроме него. Дом его был открыт для всех, а кладовая настезь отворена для нищих. Если экононом приносил счета, он не сверял дебет с кредитом, а видел только итоговый убыток или прибыль, считая совершенно неподобающим сидеть за расчётами тому, кто поставлен стяжать души.

Первое его постановление относительно денег было: не иметь никаких деловых отношений с [родными] братьями, поскольку он считал, что для стяжания любви народа и обретения его доверия нет ничего действительнее, чем напрочь развеять любые подозрения на этот счёт. Зашло это так далеко, что однажды, когда его брат Леонардо направил к Лаврентию нищего, просившего милостыню, тот сказал: «Ступай и передай Леонардо от моего имени, чтобы он сам тебе помог, поскольку он получил от Господа возможность подавать из своих средств».

Родственную любовь он выражал лишь тем, что дарил братьям на Пасху и на Рождество Господне, а также на праздник апостолов Петра и Павла два калача из отборной муки, а по смерти братьев постоянно воздавал ту же дань мне. При этом сам он, будучи папской буллой назначен епископом, получал огромное денежное вспоможение от братьев, а позже не в меньшей мере и от меня, особенно когда был возведён в сан патриарха.

[27] Чтобы разузнать о нуждах людских, он пользовался помощью нескольких вдов испытанной добродетели и веры, потому как женщины ревностнее в милосердных делах такого рода, а также у них лучше получается разузнавать, кто скрывает свою нищету, что в особенности касается людей, впавших в нужду из богатства, каковых Лаврентий наипаче жалел. Впрочем, он предпочитал порой обмануться, чем чересчур погружаться в разбирательства, и из двух возможных ошибок он предпочёл бы, скорее, дать бы тому, кому не нужно, чем не дать тому, кому нужно.

Охотнее он дарил вещи первой необходимости, чем деньги, [а если уж давал денег] то с большей охотой чаще, чем помногу, приучая народ к такого рода благодеяниям. Не особо бедный родственник однажды стал упрашивать Лаврентия помочь с приданым для дочери. Лаврентий ответил: «Задумайся, братец, пожалуйста: если я дам мало, тебе не хватит; если много, то обворую многих, чтобы удовлетворить одного, да притом всё, что у меня есть, вверено мне Церковью, скорее, на пропитание бедных, чем на завивку волос или жемчуг. Так что прости, не могу я тебе ничего дать».

[28] Но не было ничего желаннее для города, чем дрова, которые он доставлял целыми кораблями, чтобы в зимнюю стужу раздавать бедным.

Деньги к нему притекали каждый день, а откуда – не поверишь! Я видел однажды, как у него просили милостыню, а поскольку он был не при деньгах, проситель удовольствовался обещанием, но дома ничего не оставалось, и стал собирать мелочь

по чужим людям. А когда эконоом спросил его, на что он надеется, так поступая, Лаврентий ответил: «На Господа! Он легко может за меня расплатиться».

И надежда не обманывала его. Ибо Господь постоянно вдруг посылал ему деньги из разных мест. Невероятно, какое благорасположение и уважение он приобрёл у всех слоёв общества своим нравом и образованностью!

ГЛАВА VI. О ДАРЕ СЛОВА, СОВЕТА, МУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМИЯ, СПРАВЕДЛИВОСТИ, СОВЕСТИ И БОГОДУХОВЕННОГО ВЕДЕНИЯ, А ТАКЖЕ О ПИСАНИЯХ ЕГО

[29] Был у него такой дар свыше, что все, кто общался с ним, уходили от него непременно в радости и успокоении, все оставались довольны им. Добрые наравне со злыми, благоразумные и порочные почти совершенно одинаково почитали его, ибо такова была притягательность его добродетели и благодати, что и слова его, и взгляды, его жесты и всё, что он говорил или делал, пленяли любовью сердце каждого.

[30] Притом в начале своего архиерейского служения, когда он издал постановление о женских украшениях, неугодный некоторым замужним дамам, наш дож, обманутый их жалобами, как бы опасаясь за мирские вольности, велел вызвать епископа к себе и, будучи весьма горяч нравом, выбранил его, не стесняясь в выражениях. Тогда отец Лаврентий, ответив кротко и вместе с тем уверенно, смягчил его дух, и дож, обращаясь к присутствующим, молвил, не в силах сдержать слёз: «То ангел говорил, а не человек! Ступай, отче; исполняй свой долг!» С тех пор он чтит его, как апостола, и порою в шутку говаривал, что нет другого смертного, кроме Лаврентия, с кем бы он поменялся душою.

[31] Советовались с ним также в затруднительных случаях и хотя, приходя к нему, знали, что этот человек даст ответ, скорее, сообразуясь с Духом Божиим, нежели по человеческому рассуждению, однако он всегда так искусно разбирал мирские дела, и общественные, и в равной же мере частные (в чём ему не довелось приобрести опыта, ибо, когда ему ещё не было двадцати лет, он убежал в пустынь, а возвратился оттуда в пятьдесят один год), что, не побоюсь сказать, благоразумие его, на мой взгляд, ничуть не уступало его доброте, если оно и так не является её составной частью.

Ну а какую мудрость он проявлял в судопроизводстве, пусть подтвердят те, кто видел, в особенности члены Римской курии, которая ни разу не допустила отмены ни одного из его судебных решений. Его приговоры считались не подлежащими обжалованию; и хотя обычно он присуждал наказания помягче, его справедливость нельзя было преломить ни мольбами, ни слезами.

Его покои и жилище не закрывались ни для кого. Его не удавалось утомить ни множеством дел, ни своенравием тяжущихся. Он стоял, как скала, недвижимая пред вихрем, а ведь ни в одной, пожалуй, епархии в мире не возбуждается столько судебных дел, ведь город наш обширен и духовенства в нём много. Больше всего располагала к нему краткость ответов, благодаря каковой ему с большей лёгкостью удавалось и оправдывать некоторых, и, с другой стороны, истцов удовлетворять.

[32] Ну а то, каким он был исполнен светом справедливости, когда приступал к судопроизводству, особенно по важнейшим делам, достаточно ясно свидетельствует один пример, который мы приведём.

В Падуе между двумя весьма небезвестными семьями возник брачный спор. Его представили епископу Фантино, о котором я прежде говорил. Тот изучил дело, и когда оказалось, что законы благоприятствуют женщине, [родня] которой утверждала, что она была [перед свадьбой] девственна, вынес решение в пользу женщины. Юноша, который, сознавая свою невиновность, наотрез отказывался выплачивать пеню, дабы оспорить решение столь уважаемого судьи, обратился в другой раз к Лаврентию. И хотя Лаврентий понимал, что решение в пользу женщины вынес наимудрейший и наилучший из судей, всё же был тронут слезами юноши и не смог отказать ему в помощи по пересмотру дела.

И он обратился к молитве, которую в наиболее тяжёлых случаях считал наивернейшим советчиком. После весьма усердной молитвы он рассудил в пользу мужа. Родственники женщины не преминули обратиться к третьему судье и добились своего от епископа Тревизанского: он тоже вынес решение, благоприятствующее женщине. Приговор Лаврентия очевидно вступил в противоречие с двумя другими, и все с напряжённым вниманием ждали исхода такого спора.

Тут Бог, Судия справедливейший, решил сам взять на себя обязанности четвёртого, чтобы окончательно разрешить тяжбу: Он вывел на свет кровосмешение, ибо когда женщина, беременная от двоюродного брата (причём клирика!), уже не могла более таиться, что скоро родит, то, отбросив стыдливость, открыла свой гнусный поступок и признала, что приговор Лаврентия был Божий, а не людской.

[33] И если совесть у него была незамутнённая, чистая, нерушимая, и во всех обстоятельствах побуждала его поступать справедливо, то ведение его казалось боговдохновенным, а не человеческими силами приобретённым. Ведь наставник научил его едва лишь азам, а при этом не было ни единого вопроса о каком-нибудь месте в Священных Писаниях, на который он не мог бы дать весомого ответа. Расскажу-ка об одном запомнившемся мне случае.

Пришел к нему богослов, наслышанный о его учёности, а в частности о том, что он приобрёл её без учителя. Хотел он его послушать и подвергнуть испытанию. Задал вопрос об отношениях лиц Св. Троицы. Лаврентий ответил. Похвалив ответ, богослов попытался ещё раз его подловить, будто имел дело с изощрённым фокусником. Тогда Лаврентий ему: «Написано, брат: «...Споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны» (Тит. 3:9). Я высказал своё мнение, и если ты доволен ответом, хорошо; если не очень, поищи того, кто тебе ответит мудрее». Богослов усомнился, поблагодарил и, испросив благословения, удалился.

[34] Он написал пятнадцать трактатов и сорок проповедей. Сочинения его отличаются частыми повторами, благоговейным тоном, слогом пышным и богатым; и если бы он изучил античную литературу, мог бы войти в число изощрённых писателей. Названия трактатов таковы: «Древо жизни», «О подвиге монашеском», «О духовном и целомудренном бракосочетании слова и души», «О смирении», «О духовной гибели души», «О победоносном борении Христа-Посредника», «О

внутренней брани», «О плаче Церкви», «О Теле Христовом и Крови Его», «Об уединённой жизни», «О презрении мира», «О речи Господа на вечере», «О пастырском служении», «О послушании», «О степенях совершенства». Ну а названия проповедей я не счёл целесообразным приводить.

ГЛАВА VII. О ЕГО КРОТОСТИ И ДАРЕ СЛЁЗ, А ТАКЖЕ О ВНЕШНОСТИ

[35] Но по мере возрастания его власти и славы он день ото дня становился всё смиреннее. Послушайте-ка о кротости.

Некий прелат, обязанный своей властью, скорее богатству, нежели [праведному] житию, из зависти ежедневно терзал Лаврентия разнообразными наговорами; и вот во исполнение злобных своих замыслов созвал он на встречу множество мужей выдающейся людей учёности и достоинства, якобы собираясь обсудить какой-то богословский вопрос, а сам представил некие заключения, противоречащие тем указам, которые Лаврентий издал относительно денежных трат и женских украшений. Часть присутствовавших рассмеялись, часть пришли в недоумение: зачем их созвали? Ну а те, кто отнёсся к этому серьёзнее, изрядно негодовали, что тут устроен какой-то балаган – не в честь Божию, а из жажды злословия. В итоге добрый пастырь, поднятием руки призвав к молчанию, произнёс длинную молитву за женщин, а в завершение её, хоть он и пытался растрогать слушателей до слёз, во многих местах вызвал дружный смех. Прозвучали благодарности собравшимся, участников диспута позвали на обед, и на том покончив, они разъехались.

Там присутствовал некий возлюбленный в духе сын отца нашего. Чудовищно возмутившись, что какой-то наглец поношениями своими нанёс оскорбление святейшему мужу, он помчался к Лаврентию. Я как раз случайно оказался рядом, когда он, задыхаясь от гнева и пробежки, молвил: «И что, отче?! Ты позволишь этим негодьям попать твою честь?!» Лаврентий же на то: «А что такое, сынок?» Тогда он рассказал, как всё обстояло, причём не только словами, но и лицом, и глазами, и руками выражая такое возмущение, что легко мог бы вывести из равновесия не только того, кому нанесли оскорбления, но и любого другого, ими не затронутого. Что же Лаврентий? Думаете, он подал какие-то признаки гнева? Свидетель мне Господь Иисус, хоть я все глаза проглядел, не заметил в его лице никакой перемены. Ничему не огорчился, ни на что не посетовал; мало того, он не пожелал знать, кто там был, кто говорил; ни на челе его, ни на лице ни на миг не обнаружилось и тени волнения. Однако, желая утешить опечаленного сына, он с безмятежным выражением молвил: «Не расстраивайся, сынок; сие забота Господа Иисуса, и он Сам позаботится о Своей чести».

И он отнюдь не ошибся в этом! Ибо через несколько месяцев сам заводила и его приближённые отправились кто в ссылку, кто в узилище, а некоторые – на плаху.

[36] И хотя к этому примеру кротости, кажется, уже нечего и добавить, однако было ещё одно событие похожего рода, и даже не знаю, может, и более удивительное.

Ибо, когда в праздник Тела Христова огромная толпа, как обычно, в торжественном шествии сопровождала Евхаристию, которую обносили [по улицам города], некий мот, который некогда с предельным бесстыдством покрывал осуждаемые епископом проступки священнослужителей, как раз стоял перед дверью своего дома.

В то время как Лаврентий проходил мимо него, он, нимало не убоившись Бога, Который шествовал перед его глазами, крикнул: «Ага, мнимый святой! Сумасшедшие, и вы поклоняетесь такому человеку?!» Лаврентий услышал. И что он на то, думаете? Продолжил свой путь той же поступью; ни лица не повернул в сторону от Св. Таин, ни взгляда не отвёл. А когда несколько ревностных граждан, возмущившись таким гнусным поведением, хотели было броситься к тому дому с факелами, я, присутствовавший тогда при этом, едва удержал их. Однако его за этот поступок чуть позже осудил Сенат, причём к вящей славе Лаврентия назначив виновному, помимо прочего, то наказание, чтобы он во всеуслышание признался в своей лжи перед народом с кафедры Патриаршей церкви. А Господь наказал и покарал несчастного ещё суровее, чем Сенат. Ибо через некоторое время он был изгнан из города и теперь скитается на чужбине вдали от дома и детей, как нищий попрошайка.

Впрочем, свидетельства таковой кротости [Лаврентия] почти неисчислимы.

[37] А в словах и действиях его была такая размеренность, что если бы позволительно было сравнить сии низменные явления с небесными (ведь дух его был поистине небесным), то, как мне кажется, вряд ли движения, вращения и кружения небес совершаются более упорядоченно и размеренно. Причём, как он признался ученику, Бог даровал ему такую благодать, что он в любом месте и в любое время мог при желании сосредоточиться и возвести свой ум к небесам. А [на вопрос, что], если его при этом вдруг начнут донимать, как это обычно бывает, всякого рода образы, он сказал, что отгонит эти видения не иначе, как отмахиваются от мух, мелькающих перед глазами.

Среди бурь, поднятых оными судебными разбирательствами и делами, он всегда оставался спокоен и невозмутим. Казалось, он ничего не слышит: будто душою был на небе, а телом на земле. Ну а с другой стороны, если он был занят писанием или молитвой, а его, как это часто бывает, отвлекал какой-нибудь посетитель, было видно, что он без какой-либо досады прерывал начатое дело и, словно бы располагая досугом, с радостным лицом встречал гостя и выслушивал, что тот хотел поведать, с таким совершенным душевным спокойствием, что временами оно могло показаться скорее ангельским, чем человеческим.

Столь восхитительную невозмутимость могло размягчить только созерцание божественной благодати.

[38] Выше, упоминая о кончине его матери, я говорил, что он не пролил ни слезинки на её похоронах. Посмотрите, отцы, когда он проливал слёзы. Ибо вряд ли кто имел такой дар слез, как он.

Однажды, когда после обеда он, как обычно, вёл дружескую беседу о божественных предметах, охватило его душевное волнение, и молвил он присутствовавшим: «Что мне делать, братия, что делать, когда приведут меня к Судии?! Что я сделал, несчастный, на что мне надеяться?! Мне не остается ничего, кроме как пасть к подножию сего святейшего Древа и рыдать!» Говоря это, он весь обливался слезами, а пролив их обильно, встал и, увидев, что мы, присутствующие там, сокрушаемся и дивимся слезам его, испугался, что из-за этого [в сердце его] может прокрасться

мирское тщеславие, а потому молвил: «Видите эти слёзы? Они следствие какой-то чувствительности, а не подлинного благоговения, от которой я куда как далёк!»

[39] Но как прекрасно божественная благость предоставила его духу подобающий престол! Даже не принимая во внимание его добродетели и достоинство святости, достаточно было попросту на него тогда посмотреть, и могло показаться, что вы видите ангела, а не человека. Он был выше среднего роста, строен, светлокож, осанкой прям и благообразен, лицом во всех отношениях весьма пригож, однако всего прекраснее были глаза, ибо они были словно бы исполнены света благоговения и святости.

ГЛАВА VIII. О ЛЮБВИ К НЕМУ БРАТЬЕВ. О ПРОРОЧЕСТВАХ. ОБ ИЗГНАНИЯХ БЕСОВ. О МИЛОСЕРДИИ. ОБ ИНОКИНЕ, КОТОРУЮ ОН ПРИЧАСТИЛ ДУХОВНО.

[40] Но поскольку я пока ничего не сказал о братьях Марко и Леонардо, кто-то мог бы решить, что они никогда не проявляли к нему особо нежной любви, а я не хотел бы [чтобы сложилось такое впечатление]. Они навещали его каждый день, сообщали ему обо всех событиях общественных и частных, но почти все беседы между ними велись о вечной жизни.

Кроме того, в последние их часы обнаружилось, что Божий Дух направлял его поистине во всех действиях. Марко тяжело болел и целый год не выходил из дома; и захотелось ему увидеть брата, ибо не было для него ничего дороже на свете, чем он. Лаврентий отказался прийти. Ибо, как мы говорили раньше, она всегда держался подалеже от братнего дома, как и от материнского. Но Марко всё усерднее упрашивал Лаврентия и заклинал его законом родственной любви не дать ему умереть без своего благословения. Лаврентий утешал его и обещал приехать, однако всё мешкал. К нему отправился [мой] отец Леонардо, отправился я, и умоляли мы его прийти, если, конечно, хочет застать брата в живых. Он велел нам ободриться и заверил, что придёт, когда время потребует; и правда, Марко не раз явно становилось лучше. Когда же настал час, которого Лаврентий дожидался, он не стал укрываться от любимого своего брата. Он внезапно явился к нему, когда мы меньше всего ожидали, а Марко мог вот-вот испустить дух. Войдя и склонившись над кроватью своего брата, Лаврентий с величайшей нежностью поприветствовал его, сказав, что пришёл, как и обещал. Марко просиял лицом при виде его, выражая тем радость о его прибытии, и почил в Господе в объятиях брата, счастливый и довольный исполнением своего желания.

[41] Однако, дабы никто не подумал, что это было исключение или случайность, [заверяю]: в точности так же он поступил через девять лет с Леонардо. Почти пять месяцев тот не мог выйти из дома и увидеться с Лаврентием. Я ходил к патриарху сам и посылал гонцов передать, что его брат на последнем издыхании. А он отвечал, что час ещё не настал. Так мы в течение многих дней и препирались: я ходил или посылал гонцов, а он всё откладывал. Ну а когда настал обещанный им час, мой отец с огромной радостью встретил его и вечером того дня счастливо испустил свой последний вздох у него на руках.

К его славе и моему утешению добавлю вот ещё что. В те дни он молился за своего брата с величайшим рвением, и когда через несколько дней я пришёл к нему, томимый ещё свежей скорбью, после первых слов приветствия он молвил: «Радуйся,

Бернардо, сынок! Леонардо, отец твой, спасён!» Огромной радостью для меня было это услышать. «А откуда, – спросил я, – ты это знаешь, отче?» – «Спасён, – ответил он, — и пусть ничто иное тебя не заботит!»

О как сладостны были слёзы, исполненные радости и нежности, которые я пролил у его ног, когда столь верный вестник принёс весть о такой радости!

[42] Но как рассказать о прочих проявлениях его духа пророческого, коли им нет числа?!

От одной аббатисы высочайшей святости уже было отказались врачи, а Лаврентий сказал, что Господь продлит ей жизнь, и через несколько дней она исцелилась. В том же монастыре одна на диво праведная сестра была едва жива, и её оплакивали уже, а он велел скорбящим ободриться, и спустя три дня она, избежав смерти, совершенно исцелилась. Он велел родственнику, нанявшему галеру, чтобы забрать товары из Чёрного моря, быть осторожным, чтобы не лишиться галеры в том море. Он, однако, не только галеры лишился, но и понёс огромные убытки из-за кораблекрушения. Помимо того он заранее предрекал и утрату детей, и приобретение, и ущербы, и возвышения, и неудачи, и болезни, и выздоровления, и бесчисленные множества иных событий как благополучных, так и несчастливых, что случаются каждый день.

Когда врачи отчаялись спасти моего сына, я сообщил об этом Лаврентию, желая посоветоваться с ним о месте захоронения. Он смолк ненадолго с неподвижным ликом, а затем ответил, что ещё не время для такого совета. Я же, поскольку семейство моё из-за чумы находилось за городом, удивился такому ответу и спросил: «Ну а как я смогу, отче, своевременно рассудить, коли мне и так кажется, что он отходит?» Он снова: «Возвращайся спокойно; время ещё не пришло». И вот, возвратившись домой, я обнаружил, что сверх всяких надежд мальчик чувствует себя лучше! И по милости Божией оный день так до сих пор и не настал, так что, надеюсь, скорее моему сыну придётся думать о моём погребении, нежели мне о сыновнем.

И конечно же, он за несколько дней предрёк инокиням из Санта-Кроче свою смерть.

[43] Не менее велик был его дар изгнания бесов и различения духов.

Один очный свидетель рассказал мне, что к нему привели женщину, пускавшую пену изо рта и скрежетавшую зубами. Увидев это, Лаврентий молвил: «Вы что, привели ко мне беса, словно к апостолу? Ступайте-ка, братия, и поищите кого святее меня, ибо я человек грешный!» Но они ещё пусти взмолились, пав на колени. «Что ж, – молвил он, – да укрепится ваша вера, помогшая Хананеянке и сотнику!» Возложив на голову одержимой руку, он молвил: «По что ты, злобный бес, пришёл мучить эту бедняжку? Ты свержен с небес, так где же ныне гордыня твоя? Не стыдно тебе сражаться со слабенькой женщиной? А ну-ка отпусти её: Господь Иисус низвергает тебя! Она ознаменована знаком Его!» Видели бы вы, как противилась она этим словам, как из перекошенного рта изливались скверные слова, и как жуткие гримасы и бледность уступили место естественному выражению лица. Она исцелилась, а все с изумлением прославили Бога Всемогущего.

[44] А разве где-нибудь было явлено более глубокое распознавание движений духа и помыслов?

Постановил он реформировать женский монастырь, а чтобы облегчить эту задачу, хотел назначить монахиням в духовники добросовестного и благочестивого человека. Ну а тот, будучи добр и простодушен, не согласился, опасаясь связываться с женщинами. После же он раскаялся в своём отказе и решил вернуться. Лаврентий увидел его издали, и прежде чем пресвитер успел произнести хоть слово и сказать, зачем пришёл, взявшись правой рукою за пояс, молвил: «Ты правильно поступил, брат; я знаю, зачем ты пришёл. Но мне бы хотелось, чтобы ты знал: как этот пояс мне вверен Богом, – ведь он держался за свой пояс рукой, – так и ты». Священник же, изумившись, молвил с великим сердечным сокрушением: «Возьми меня в прислужники себе; никогда не оставлю я заповедей твоих!»

[45] Не умолчу об одном сельском попе, печально известном своей блудливостью, симонией, воровством и всякими срамными делами, который, впав в крайнюю нищету, так что уже совсем не мог содержать ни себя, ни детей своих, которых растил втайне, решил нечестиво наложить на себя руки. Познав сие в духе, Лаврентий пришёл к нему и рассказал об узанном, а затем утешил его полными милости словами. При этом он заявил, что случилось сие по поущению Господню из-за его нечестия, и если он не опомнится, то ему грозят ещё горшие беды. Однако затем, сочувствуя нищете его, Лаврентий дал ему несколько золотых. Несчастный же тот, узрев необычайную милость (ведь тот, кто сознает, что ведёт дурную жизнь, скорее будет ожидать каких-то наказаний, чем подаяния), пал к ногам его и, рыдая непрерывно, клятвенно обещал исправить свою жизнь и на деле доказать искренность своих обещаний. И жил он потом несколько лет, боясь Господа и поступая по заповедям Его к великому удивлению людей, знавших его прежде.

[46] Я решил было, преславные отцы, обсуждать чудеса, а не рассказывать о них, ведь взялся я описывать главным образом нравы Лаврентия и ангельское его на земле житие, однако, как бы с разбегу наткнувшись на эти сведения, не смог промолчать. После чего уж стало невозможно опустить случай сам по себе прекрасный, на редкость величественный и чрезвычайно широко известный.

Была некая инокиня великого благочестия. Многие годы провела она пред Господом в посте, бдениях и молитвах. И случилось так, что в торжество Тела Христова ни другие сестры, ни она не смогли причаститься Божественных Тайн. Переживали они это болезненно (а наипаче – та благоговейная женщина), а поскольку монастырь был рядом, послали Лаврентию весточку с просьбою, чтобы, если не удастся ему уделить им в тот день причастия, то пускай хоть изволит помолиться за служанок своих, когда будет служить мессу. Лаврентий пообещал.

И вот, когда он во время службы обратился после вознесения Св. Таин к народу, то стал вне себя, и унёс его Дух к той женщине, затворившейся в келлии и погружённой в созерцание, которую, возможно, именно тогда охватило дивное желание причастия. И причастил он её Св. Таин; в теле или вне тела: Бог знает (2 Кор. 12:3). И стоял он так пред очами всего народа, пока не исполнил сего долга милости, после чего пришёл в себя и закончил мессу. Когда же инокиня рассказала о случившемся священнику, а священник – патриарху, тот повелел им благодарить Всемогущего Бога, а не его, и никому о том не сообщать, пока он жив.

[47] И думается мне, отцы, что всеблагой Бог позволил свершить сие и многие другие подобные чудеса, дабы мы поверили, что благость Его и могущество не иссякли с ходом всепожирающего времени, не отступили пред порочностью нравов, не умалились теплохладностью нашей веры, а может, также и для того, чтобы нам было легче поверить в то, о чём повествуют священные жития, ибо иначе нам показались бы невозможными описанные там события, вrede того, что пишут о св. Амвросии, который, оставаясь в Милане, присутствовал на похоронах св. Мартина в отдалённых галльских краях, и о св. Севере, епископе Равенны, который в духе отбыл на похороны св. Геминиана в Модену.

Столь велик был сей муж, что слава его возрастала с каждым днем и начала распространяться всё шире и шире. Понтифик Евгений желал, чтобы он почаще бывал у него, а Лаврентий всё отговаривался, опасаясь, что Римская курия причинит ему какой-либо вред. Когда же Евгений по изгнании из Города прибыл в Болонью и усиленно звал его к себе, Лаврентий не смог возразить, потому что ни Альпы, ни длительность путешествия уже не могли послужить ему поводом для отказа, как бывало прежде. Он был встречен Верховным понтификом и множеством кардиналов сими словами: «Приветствие, честь и слава архиерею!», и весь папский двор принял его с величайшим почтением. Евгений хотел оставить его при себе, но он, сославшись на свои телесные немочи, пробыл там лишь несколько дней и вернулся оттуда веселее, чем туда выезжал. Он оставил там по себе благоухание величайшей святости.

[48] Всеславный понтифик Николай V любил его так же сильно, а то и больше, и потому соперничал с Евгением в чествовании его. Ибо, если тот, как только смог, поставил Лаврентия епископом; этот при первой же возможности сделал его патриархом. Ведь когда патриарх Градо умер, понтифик перенёс патриархию из этого когда-то славного города в Венецию, причём не поставив в известность и не испросив изволения нашего Сената, так как он желал этим почтить в равной мере и человека, и город. Весть о том не слишком порадовала Сенат, ибо он опасался, как бы духовное и церковное достоинство Лаврентия, усиленное богатством и властью, не оживило старые споры, которые сенаторы вели с предыдущими епископами, однако кротость блаженнейшего отца с лёгкостью рассеяла их сомнения. Ибо он тотчас же явился к дожу и в коллегии и сказал, что восемнадцать лет тому назад он был вопреки своему желанию поставлен епископом и из покоя своего ввергнут в сии мирские бури; что и ныне желает покоя, и предпочёл бы, скорее, уменьшить бремя архиепископской власти, нежели увеличивать его; и что на душе у него приложить все силы, дабы избавиться от сего бремени, если только вдруг сам дож, заботясь о достоинстве своего города, не рассудит иначе, и тогда патриарх со своей стороны не должен будет отказываться ни от каких трудов к чести сего славного государства.

Сочетания смирения и милости, проявленное святейшим отцом, растрогало всех до слёз. Дож, прежде с крайним неудовольствием отнёсшийся к этому решению и всегда сопротивлявшийся попыткам Евгения провести его, тотчас же, выражая своё и всей коллегии мнение, стал настоятельно упрашивать Лаврентия, дабы он милостиво соизволил принять на себя эти обязанности. Так назначение, будившее зависть своими полномочиями, благодаря кротчайшему поведению святого мужа было воспринято [Сенатом] с величайшим удовлетворением.

ГЛАВА IX. О ЕГО ДОСТОПАМЯТНЫХ ИЗРЕЧЕНИЯХ И О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ИЗВЕСТНОСТИ ИМЕНИ ЕГО

[49] Но поскольку мы до сих пор всё время описывали его нравы и деяния, приведём также несколько его достойных упоминания высказываний, насколько нам удалось их запомнить при близком общении.

Он говорил, что задача слуг Божиих не в том, чтобы беречься великих грехов (ибо это задача мирян), но в том, чтобы избегать малых, дабы не охладела любовь (ср. Мф. 24:12).

Не следует ослаблять поста, как только истончится плоть; ведь для того и пост [, чтобы плоть была тонка].

Монаху нужны три вещи: рвение, сдержанность и благодать, ибо там, где чего-нибудь из сих недостаёт, не может быть и выдержки.

Смирение подобно ручью, который летом мельчает и словно ползёт, а зимой и весной разливается; так и смирение в благоприятных обстоятельствах иссякает, а в невзгодах вынуждено набирать силы.

Ему очень не по душе были большие постройки в монастырях, и когда он увидел расширенные столовые и увеличенные келлии, покачав головой, сказал: «Не так, отцы мои, не так..» Сам он построил dormitorio в Лониго из плетёнки и белой глины, хотя средства монастыря легко позволяли использовать для этого кирпич. Ибо он говорил, что монаху не следует в этом мире взирать ни на что, способное приковать внимание.

Должно с величайшей тщательностью обдумывать намерения тех, кто обращается к иночеству, дабы негодный, будучи принят, не развратил годного. И говорил он ещё, что, когда чересчур возрастает численность, невозможно долее сохранять строгость и живость монашеской жизни. Ведь совершенство редко встречается. Помню, в монастырь ушёл благородный юноша; и когда Лаврентий уразумел, что его к тому побудили чрезмерные уговоры братьев, он по требованию отца вернул его, сказав: «Прими сына своего, ибо подвиг иноческий – от Святого Духа, а не по человеческому увещанию; и куда хуже отпасть от иноческого жития, нежели никогда его не начинать».

[50] С того дня, как Лаврентий стал священником, он служил мессу каждый день, если тому не препятствовала болезнь. И говорил, что если кто, имея возможность общаться со своим Господом, не общается, откровенно заявляет тем самым, что нет ему дела до Господа.

[Также он говорил, что надеяться сохранить] целомудрие, потворствуя плоти – не что иное, как пытаться погасить огонь, подкидывая в него дров.

Что никто не знает, сколь велик дар нищеты, кроме того, кто наслаждался уединением и созерцанием.

Что Бог намеренно сокрыл блаженство иночества от людей, ведь если бы они знали, какое это счастье, все ринулись бы к нему.

Что никто толком не понимает смирения, кроме того, кто получил от Бога [силу] быть смиренным. Ибо ни в чем люди так не обманываются, как в распознании истинного смирения.

Что истинная мудрость состоит в понимании двух вещей: Бог есть всё, а ты сам – ничто.

Часто увещевал никогда не терять упования на Бога. Что в сем уповании состоит жизнь души.

Говорил, что богатый не может спастись иначе, как милостыней.

Что должность императора или дожа намного легче епископской, поскольку куда труднее управлять тем, чего не видишь, чем тем, что видишь.

Среди тягот, приносимых народу войнами, которых в его время было чрезвычайно много, он сказал нашим сенаторам: «Если хотите, чтобы Господь смилостивился над вами, вы не должны сами судить о своём состоянии и своих возможностях».

Доброго государя он уподобил голове: ведь как голова и язык молят о помощи для остального тела, когда оно неподвижно, так и молитва государя может умиловать Господа, хотя бы народ и устремлялся к иному.

Он увещевал избегать того, чему мешают многие препятствия, потому что дела Святого Духа легки и ровны, а дьявольские тягостны и полны терний.

А когда он говорил о мирских правителях городов, то, как бы сочувствуя их трудам, рассуждал, что не без милости Божией получается так, что слава является спутницей доблести, служа как бы некоторым облегчением трудов и забот; и что жажда славы до той поры прощательна, пока она следует за добродетелью, как служанка, а не предшествует, как госпожа.

Он высказал бесчётное множество других мудрых изречений, но излагать их пришлось бы бесконечно.

[51] Между тем он уже был насыщен жизнью, а слава доброго имени его с каждым днём распространялись всё шире. Не было никого из приезжавших в сей город, кто бы не устремлялся повидать этого отца как одну из первейших достопримечательностей. Молчу уж о простолюдинах и безымянных толпах, сбегавшихся с улиц и перекрёстков всякий раз, когда он где-либо проходил, дабы увидеть его, словно бы то был ангел, ниспосланный с небес; но и всякие кардиналы, герцоги, князи [приходили] осмотреть его дом, ознакомиться с жизнью его, увидеть воочию и почтить его горницу, спальню, столовую.

Когда Франческо Сфорца (1401-1466 гг.), герцог Миланский, и его жена Бьянка послали в Венецию своего старшего сына Галеаццо (1444-1476 гг.), ещё отрока, подававшего большие надежды, распорядились прежде всего отвести мальчика ко святому мужу, дабы он возложил на него руку свою и о нём помолился.

Бартоломео Коллеони (1400-1475 гг., кондотьер, с 1449 г. главнокомандующий вооружёнными силами Венецианской республики. – прим. пер.), знаменитейший в те времена воевода, доставил Лаврентию большое количество золота, которое тот

раздал беднякам. Это было и для военного мужа редкостным проявлением благочестия, и для отца нашего необычайно славным поступком.

Ну а путники и паломники всех сословий и племён: венгры, немцы, французы, испанцы, как те, кто шёл в Рим к порогам апостольским, так и те, кто направлялся на Восток ко Гробу Господню, - надеялись на благоприятные ветры, если трогались в путь, получив благословение сего отца.

[52] Во время же наибольших бедствий отечества нашего дож и Сенат обращались к молитве его не иначе, как к некоему оракулу. И пред завершением этой главы мы приведём одно свидетельство того, насколько молитва его была действительна.

Есть где-то на Корфу дикое и заброшенное место, и там более тридцати лет обитал один отшельник, ведя житие постническое и молитвенное, а наипаче известен был духом пророческим. И вот один из наших соотечественников, муж и родовитый, и добродетельный, вёл торговлю на Корфу как раз тогда, когда вспыхнула война между нами и Филиппо, герцогом Миланским (Филиппо Мария Висконти, 1392-1447 гг., герцог Милана, тесть Франческо Сфорцы; вёл с Венецией т. наз. Ломбардские войны. – прим. пер.). Поскольку же дела наши явно шли всё хуже, он пожаловал к человеку Божию и спросил его, правду ли говорят, будто Венецианская республика обречена. А отшельник молвил ему: «Гнев Господень поднялся против вас, ибо вы отвергли слово Господне; и если бы архиерей ваш со слезами не вступался за вас, вы давно бы погибли, подобно Содому!» Такое свидетельство о Лаврентии дал отшельник среди скал и пещер Корфу. А ведь он не то что о Лаврентии, но и вообще почти ни о ком из смертных знать не знал и слыхом не слыхивал.

[53] Поистине уму непостижима и словами неизъяснима та любовь, каковою он одарял паству свою! Вся пора его архиерейского служения прошла во время жутчайших смятений и величайших войн. Он не довольствовался уединённой молитвой: он воодушевлял [народ венецианский], увещевая, умоляя, заклиная его и повелевая ему с такой любовью и радением, что даже малейшей части оно, несомненно, хватило бы, чтобы докричаться до небес.

И нет никаких сомнений, позволю себе сказать, что именно так исполнилось предсказание его матери Кверины, которое она при родах изрекла о сыне своём; особенно [ясно это бывало] в те времена, когда Венецианская держава оказывалась на краю пропасти, а так случалось три или четыре раза.

ГЛАВА X. О ЕГО ПОСЛЕДНЕЙ БОЛЕЗНИ И О ТОМ, ЧТО ОН В ТО ВРЕМЯ ГОВОРИЛ И ДЕЛАЛ

[54] Ему шёл семьдесят четвёртый год, и хотя телом он был слаб и худ, разум его оставался в целости и никакие болезни его не тревожили, разве что здоровье его с ходом лет было совсем расшатано множеством тягот, что он терпел с юности: постами, бдениями и холодом. Но когда мы, о его жизни заботясь более, чем о своей, убеждали его сложить с себя бремя слушания [исповедей], он ответил: «Неужто вы хотите, чтобы я оставил то место, что было мне поручено?» Ибо что касается постов, бдений и усмирения плоти, то по мере того, как тело его старело, дух как будто бы молодец; и он ссылался то на св. Павла [Пустынника], который, будучи девяностолетним старцем, питался одними финиками, то на св. Илариона, который в

восемьдесят лет обходился горсточкой муки, то на другого какого-нибудь из древних отцов. И как будто бы в довершение славных подвигов своих он даже в ту пору продолжал писать. Возможно, тогда он и закончил книгу о ступенях совершенства.

[55] Однажды в ту пору, прогуливаясь со мною, как обычно, после трапезы, он молвил: «Как охотно я умер бы, если бы это было угодно Господу! Ибо я не лучше отцов моих (3 Цар. 19:4). Но Ты, добрый Иисусе, не на моё желание взирай, но на благо народа Твоего!»

Однако Господь изволил внять его молитвам. Через несколько дней у него началась страшная горячка. Стелим постель ему, а он нам с внезапной суровостью и словно бы негодуя: «Ты мне перину готовишь? Те, что спят на мягком, находятся в чертогах царских (ср. Мф. 11:8)! Не на перине почил Господь мой, но на древе жестчайшем. Разве вы не помните, как св. Мартин в подобном случае сказал, что христианину не к лицу умирать иначе, как в пепле и вретнице (ср. Сульпиций Север, Письма, III // Сочинения. – пер. А. И. Донченко)?» Поэтому нам тогда ничего не удалось, и, сдавшись, мы отвели патриарха под руки его на циновку.

Мы не пожалели денег на врачей и окружили его уходом, но он, заметив это, искренне огорчился. «На что столько заботы, – сказал он, – об этом убогом мешке?! Столько расходов! А ведь между тем нищие Христовы не имеют ни хлеба, ни постели, ни огня, чтобы согреться!»

И уразумел святой муж, что настаёт день его преселения. «До сих пор, чада мои, – молвил он, – то были шуточки, а теперь начинается по-настоящему. Жених близко; нужно идти к нему навстречу». И возведя очи на небо (ср. Ин. 17:1), молвил: «Иду к Тебе, добрый Иисусе!» И те, что ухаживали за ним, заметили, что иногда он, исполнившись бодрости, в некоем пылу духовном выражал готовность отправиться на небеса, а иногда, погружаясь в глубину смирения, как бы страшился суда Божия. Ибо когда я сказал ему не без слёз: «Сколь радостно должно быть тебе на душе при отшествии, отче, ведь тебя ждёт награда на небесах!» «Я так понимаю, сын мой, – ответил он, – что эта награда достаётся мужественным, а не трусам и не таким, как я». Вот смирение!

Но и сколь полное упование! Ибо, увидев, что мы плачем, он сказал: «Прочь со слезами; время радоваться, а не плакать!» Так, Макарию уподобляясь в уповании («После... слов херувима, блаженный Макарий простился со всеми бывшими при нем и помолился о них Богу; возведя, затем, свои очи и простерши руки горе, он произнес: – В руки Твои, Господи, предаю дух мой!», Житие преп. Макария Египетского // Дм. Ростовский, Жития свв., 19 янв.), а Арсению в страхе («Я всегда чувствовал страх смерти во все дни иноческой жизни моей», Житие преп. Арсения Великого // Дм. Ростовский, Жития свв., 8 мая), он переходил от одного к другому, дабы страшиться с упованием, а надеяться не без боязни.

[56] Итак, готовясь дать смерти сражение, он велел вооружить себя Св. Тайнами и свести под руки вниз в часовню. А когда он, опершись на моё плечо, поднялся с кровати, то, не совладав со слабостью в членах, немного присел. Я залился слезами. Обратив на это внимание, он молвил: «Что ж ты плачешь, Бернард, сынок?! Дай-ка мне правую руку!» И, схватившись за неё обеими своими, добавил: «Будь спокоен и

ободрись, ибо я никогда не оставлю тебя!» О слова сладко-горькие! Не знаю, как выдержало бы моё сердце, не смягчи скорбь мою столь верное обещание.

Весьма часто, конечно, отцы достославные, мне доводится вспоминать тот день и тот миг. Завещание, оставленное мне безмерно любимым отцом, принимаю со всей верою и надеждой, мысленно прижимая к груди, как если бы ангелы поставили на нём печать свою и духи блаженные подписали его, ибо не сомневаюсь, что их славное и неисчислимое множество наполнило ту комнату, дабы принять душу верного сослужителя своего.

[57] Ну и что за утварь нашли в его покоях, как вам кажется? Думаете, что-нибудь из золота или серебра? А что ещё удивительнее, у него вообще не было ни единой книги. Хотя он читал и писал каждый день, однако иметь хоть какую-нибудь книгу в собственности отказывался. В своём завещании он наказывал без всяких торжеств отнести себя в его монастырь, находившийся в двух милях от города, и там положить в гробницу к братьям. И, не довольствуясь однократным предписанием, словно предчувствуя, что о его погребении возникнет спор, он велел снова позвать нас и молвил: «Знаете ли, какие я дал распоряжения о погребении? Делайте, как я приказываю: никаких торжеств! Ибо я не тот, за кого вы, возможно, меня принимаете».

Он подражал свв. Антонию и Илариону, которые желали быть погребёнными в безвестных местах, дабы их не почитали окрестные жители.

ГЛАВА XI. О СЛОВЕ, ПРОИЗНЕСЁННОМ ИМ ПЕРЕД УХОДОМ ИЗ ЖИЗНИ, И О ДВУХ ЧУДЕСАХ

[58] Приняв незадолго до того дня помазания святым елеем, он произнёс на диво мудрую и глубокую речь о благодати смерти и о жизни небесной. Итак, лёжа навзничь, он на краткое время уставил очи на небо, а затем, снова полузакрыв их, начал молвить такое слово (смысл коего мы воспроизводим ниже по памяти):

«Видите, чада, мой час пришёл; и благословен Бог, по воле Коего приближается он, ибо нет иного пути, ведущего в небеса. Ибо Он пришёл к нам как Путь, Истина и Жизнь, дабы несчастным изгнанникам, изгнанным из рая, указать путь обратно на родину. И если мы в этой только жизни надеемся.., то мы несчастнее всех человеков (1 Кор. 15:19). Но да не придёт нам такой безумный помысел! Ибо что есть жизнь сия; некий прах, – говорит Писание, – и проходит как память об однодневном госте (ср. Прем. 5:14). Христос умер за нас (Рим. 5:8), первенец из умерших (1 Кор. 15:20). Постыдимся же бояться смерти, ведь наш Господь изволил умереть за нас! Сей день всегда был у меня пред глазами, Ты знаешь, Господи; хотя, когда я размышляю о своей жизни, вижу, что её следовало бы называть, скорее, суетой, не жизнью. Но в сокрушении духа моего прими меня, добрый Иисусе, жизнь и спасение души моей! Ибо я повергаю моления мои пред Тобою, уповая не на праведность мою, но на Твое великое милосердие (ср. Дан. 9:18). Я как та заблудшая овца, возвращаюсь к тебе, к Пастырю; Твой голос знаю, не голоса чужих (ср. Ин. 10:4-5); прошу же, Господи, верни меня во двор овчий! Можешь ли Ты отвергнуть глас вопиющего и прибегающего к Тебе? Не ты ли Тот, Кто сказал: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби» (Пс. 90:15)? Вот, я более сердцем, чем устами, вопию, Господи: Вот, скорбь близка (ср. Пс. 21:12), а нет избавляющего (ср. Пс. 70:11), кроме Тебя, благий

Иисусе! Нет, я не смею посягать на места блаженных духов, созерцающих лик Пресвятой Троицы, однако, будучи какой-то частью творения Твоего, прошу хоть крошек со стола Твоего преобильного. Для меня будет честью великой, – о, чрезмерно великой! – если Ты рабу Своему убогому не откажешь в местечке под ногами низайшего из избранных Твоих!»

[59] Затем, полуобернувшись к присутствующим, он молвил: «Ну а вы, братья, блюдите заповеди Господни! Ведь всякая плоть – трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве. Посмотрите на меня: вот, засохла трава, и цвет её осыпался (ср. 1 П. 1:24). Часа сего кто избежит? (ср. Ин. 12:27) Но поверьте мне, чада, нет ничего важнее, чем служить Господу».

Сказав это, он чуть-чуть приподнял неприкрытую руку и с гаснущими очами (прямо сам древний Исаак!), осенив присутствующих крестным знаменем, молвил: «Да благословит вас Господь Иисус, братья мои и чада утробы моей; и да благословит Он вдалеке пребывающих сынов моих, которых родил я (ср. Фил. 1:10) в Господе! Да даст вам сердце, чтобы чтить Его, и откроет сердце ваше для закона Его, и да не оставит вас во время бедствия! (ср. 2 Мак. 1:3-5) Да благословит Он Главу нашего и весь Сенат, дабы памятовали, что жребий правления вверен им во славу Божию и на общее благо всех сословий. И, наконец, – мой народ, Господи, благослови, день ото дня, укрепляя и преумножая в нём любовь, мир и согласие!»

[60] Светало, но ещё до того стало очевидно, что он больше не жилец. И весь город пришёл в волнение. Ну а сразу на рассвете же пришли каноники, и с величайшим радушием поприветствовав их, патриарх попросил у них прощения, если служением своим не оправдал их надежд. Завещал им славить Бога и печься о Церкви, затем [напомнил], что нужно хранить взаимную между собою любовь, а под конец попросил поминать его на общих молениях. Какие же слёзы тогда опять полились, Боже мой, какие крики поднялись! И отцом его величали, и владыкою, наставником, главою...

Немного позже пожаловали прокураторы Святого Марка (коллегия высших (по престижности на втором месте после дожа) чиновников Венецианской республики с большими экономическими и представительскими полномочиями. – прим. пер.) и другие руководители государства, священники и иноки, а в итоге двери не закрывались ни для какого сословия. И каждому он находил что сказать во спасение. Прокураторам и руководителям он вверял попечение о бедных и справедливости, священникам – о славе Божией, купцам – о благотворении, адвокатам – о правах бедняков и, наконец, каждому – о своих обязанностях.

Как удивительно было, что едва живой он собрался с духом и смог выдержать целых два дня (ибо столько он ещё прожил), неустанно говоря и благословляя! Никогда чистота и величие духа его не проявлялись с большей ясностью. Он никого не отвергал, всех принимал равно приветливо, ибо он явно не делал никакого различия между бедными и богатыми, мирянами [и духовенством].

[61] Тем временем он и возвестил, и сделал много такого, что достойно упоминания. Мы приведём только два примера, отобразившие, как вся жизнь его святейшая сияла знаменами и чудесами, а также иными дивными свершениями.

У патриарха был весьма дорогой ему во Христе сын по имени Марчелло, славный родом, но ещё более – житием, муж добрый и праведный. И так любил он Лаврентия, что открыто заявлял: мол, не переживёт, если с ним что-нибудь случится. И вот, прослышав о его болезни, он тотчас же прибежал; его пропустили к Лаврентию, который, когда тот склонился поцеловать его, молвил тихим голосом: «Марчелло, отчего ты терзаешься об уходе моём? Да, я опережу тебя, но ты скоро за мною последуешь. Господу угодно, чтобы в эту Пасху мы снова встретились». Более сим словом обрадованный, чем опечаленный, Марчелло в начале Четырнадцатидесятницы тяжело захворал, а на Пасху, как и было предсказано, его похоронили.

А возлюбленному своему сыну Джироламо, который тяжело болел, патриарх предсказал и даровал выздоровление. Ибо, когда врачи покинули болящего и сочли обречённым на смерть, а матери его и сёстрам не оставалось уже никаких надежд, кроме как на молитвы сего отца, послал к ним святой сей отец весточку, веля ободриться, ибо он не умрёт от этой болезни. Как он сказал, так и стало. Ибо вскоре горячка оставила Джироламо, и он поправился.

ГЛАВА XII. О ЕГО БЛАГОГОВЕЙНОЙ КОНЧИНЕ И ТОМ, КАК ЕГО ТЕЛО ДОЛГО ОСТАВАЛОСЬ НЕПОГРЕБЁННЫМ

[62] Но вот разрешились всесвященные оные узы между плотью и духом, столько лет прожившими в нерушимом мире и согласии; и по велению Божию духу от земли сей пришлось возвратиться на небеса. Лаврентий неспешно прикрыл глаза, лицо его несколько прояснилось, а члены расслабились, как будто он собирался отдохнуть после труда. Сколь великие воинства ангельские явились туда..! – жаль, телесным нашим очам незрим род сей. Ведь под звуки небесных их восклицаний и песен всеблаженный сей дух, как искра, устремился в небо. Таков был конец святейшего отца, воистину счастливый, воистину блаженный.

О, если бы можно мне было сейчас дать волю слезам и без помех наплакаться! Как трудно мне, отче, крепиться! Слезы брызжут, не удержать, хотя и не место; тайная комната лучше подходит – там я в должный час припомню твои обещания, превосходнейший отче; там возведу о мощи десницы твоей, особенно когда в другой раз ты при величайших опасностях мне чудом поможешь в ответ на призыв мой.

[63] На рассвете следующего дня весь город заполнили невероятные множества людей; двери чуть ли не выломали, из-за чего [умершего] пришлось снести в церковь на обозрение народу. И тотчас вокруг погребальных носилок собралась такая толпа, что затем не руки человеческие, а людской поток сам, подхватив его, вынес со ступенек хора, где он был положен, к выходу из церкви. Одевания его были разорваны, обувь снята, всё расхищено на реликвии. Затем, как бы предзнаменуя его прославление в лике святых и во свидетельство оного перед лицом народа, собрались четыре знаменитейшие, как мы их называем, школы (видимо, автор имеет в виду самые влиятельные в средневековье монашеские ордены: бенедиктинцев, картезианцев, клюнийцев и цистерцианцев. – прим. пер.) – в великом множестве, торжественно и нарядно, словно не ради умершего, но ради живого и святого; не в подобии плакальщиков на похоронах, как это обычно бывает при погребении, но в молитвенной процессии, как бывает при общенародных

празднованиях Божиих. Никто ни прилюдно не призывал их, ни тайно не приглашал, но [пожаловали они] по собственному почину с позолоченными свечами, изъявляя своё благоговение и радость. А какое свидетельство оставили двое из вашей братии! Ведь, когда они вместе с прочими пришли на оное торжество, им послышалось будто некое пресладостное пение и музыка необычайная. Когда ж возвращались они в монастырь, звуки не преставали, и тогда один сказал другому: «Брат, ты слышишь эту музыку?» – «Как не слышать! – ответил второй – Мне кажется, это поистине ангельские голоса, а не человеческие!» Первый подтвердил его мнение, и оба они, изумляясь, под неумолчное пение дошли до самого монастыря.

[64] После панихиды, когда пришло время выносить [останки] наружу, внезапно (по некоему промыслению Божию, тогда непонятному, но позднее для всех очевидному) возник спор между канониками Патриархальной базилики и братией Коллегии Сан-Джорджо. Когда последние потребовали [тело] отца нашего, ссылаясь на его распоряжение о месте своего погребения, первые напомнили о священных канонах, по которым иерархов следует хоронить в их кафедральных храмах, и при этом не всегда нужно подчиняться распоряжениям усопших, как показывает пример папы Маркеллина (св., пам. 26 апр.; завещал не предавать своё тело погребению, а бросить на съедение псам. – прим. пер.) – ведь хоть он под угрозой проклятия запретил хоронить свои останки, тем не менее святые отцы решили, что важнее почтить его как папу, нежели послушаться как человека.

Тем временем, пока длился спор, святые оные мощи пребывали в ризнице церкви.

[65] И случилось нечто вовек неслыханное, насколько можно судить по житиям святых (при всём моём к ним почтении). Ибо, пока оное тело находилось там, ни на второй, ни на третий день не явилось никаких признаков ни тления, ни смрада. Также на пятый и на шестой оно оставалось по-прежнему цело. Взбудораженный эдаким чудом, сбегался весь город; люди высматривали и внимательно выискивали на теле хоть малейшее повреждение; всё ощупали и не обнаружили ни изменений цвета, ни уплотнений, ни окоченения членов, а смрада вообще ни малейшего – напротив, от тела исходило, скорее, сладчайшее благоухание.

За чудом следовало чудо. Ибо через два дня щёки его покраснели и сквозь кожу стала виднеться живая кровь. И ризница уже не могла вместить толп, и все друг друга теснили, так что в итоге на восьмой день пришлось прилюдно внести покойного в церковь, дабы народ мог на него наглядеться. Сколько это вызвало удивления, изумления, криков! Ну а спорщики: те ещё настойчивей требуют, а эти – упорнее сопротивляются.

Его снова поместили в ризнице, где он оставался в течение сорока дней нетленным и невредимым. За все эти дни его ни разу не оставили в покое; ризница та никогда не закрывалась ни для кого из тех, кто желал увидеть его и почтить, до дня шестидесяти седьмого, ибо дольше хранить прах явно не подобало. И предали его погребению с невиданными торжествами и почестями, не как кого-нибудь, в чьих добродетелях и заслугах оставались сомнения, но со всяческим благоговением, словно мощи некоего святого. И свершилось это в шестнадцатый день от апрельских календ, хотя отошел он ко Господу в шестой день до январских ид.

[66] Многие не только из Италии, но также из Иллирика и Эпира отправились в дальний путь ради этого дива. Все врачи (а особенно Джерардо Веронский, славнейший из всех лекарей нашего времени, посещавший Лаврентия во время болезни) засвидетельствовали, что никакие природные силы не могли послужить причиной [нетления], особенно учитывая то, что умерший страдал гнойной лихорадкой. Ведь гнилостная и испорченная влага распространилась по венам, и всё тело обязательно должно было подвергнуться порче, ибо совершенно невозможно, чтобы при отсутствии жизненного духа (*calore naturali*) оно хоть на краткое время осталось целым и нетленным.

Ну а насколько изумительным было диво сие, можно рассудить по сравнению с другими. Ибо если блаженного Бернарда заслуженно восхваляют за то, что тело его оставалось непогребённым в течение трёх дней, то какую воздать хвалу нашему Лаврентию, который столько дней – почти месяцы – пробыл целым и нетленным?

Город, взбудораженный столь великим чудом, решил приложить все силы, чтобы Патриаршая Церковь не лишилась столь дивного украшения, сиречь мощей первого своего и святейшего патриарха. О подобном случае рассказывается в житии блаженного Мартина, епископа Турского, ибо когда он скончался в аквитанском городе Канде, и аквитанцы, среди которых он умер, захотели его удержать у себя, турцы потребовали обратно своего предстоятеля, и препирательства длились до тех пор, пока турцы не украли его и не вернули его в свою епархию.

Что же касается чудес, свершившихся затем у гробницы Лаврентия и творящихся ежедневно с теми, кто взыскует там божественной помощи, я счел за лучшее даже не приступать [к их описанию], поскольку им нет числа. Возможно, когда-нибудь их подробнее исследуют особы, наделённые большими полномочиями и находящиеся в более высокой должности, ибо с трудом верится, что столь лучезарному светочу Бог долго позволит скрываться во тьме.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОРЛРВ

[Посмотреть другие жития блаженных и святых в переводе Константина Чарухина](#)